

МУЗЫКА ЧИСТОГО СЕРДЦА

С ЛЕШЕЙ НИКОЛАЕВЫМ я познакомился в 1970 году. Один из концертов традиционной недели детской музыки посвящен творчеству самых юных композиторов — учащихся ленинградских школ. Ребята были разные — более или менее способные, но один мальчик сразу же властно заставил слушать свою музыку: удивительно взрослая и серьезная, она обладала тем свойством подлинности, которое вызывает ощущение, что музыка эта словно бы сложилась сама собой и не могла не родиться. Автором ее и был одиннадцатилетний в ту пору Леша. Я подошел познакомиться. Неожиданно выяснилось, что мы близкие соседи, и Леша стал приходить ко мне. Мы играли на рояле в четыре руки, слушали записи и обсуждали услышанное.

Духовное развитие молодого музыканта было стремительным, но шло путем отнюдь не трафаретным. О том, что

ленное родным мальчишка, сохранило обстоятельную характеристику его сочинений, вывод о его талантности и несомненной необходимости для него профессиональных занятий (словом «талант» Дмитрий Дмитриевич дорожил и употреблял его не часто).

К несчастью, организм Леша подтачивал тяжкий недуг. Мальчика лечили, он подолгу находился в больнице. Однако спасти его не удалось. Он умер восемнадцатилетним. Страшная, обидная несправедливость судьбы... Ныне, когда со времени его смерти прошло более полутора лет, сквозь горестное чувство все чаще пробивается иное ощущение — радости, что Леша Николаев был, что обликом своим и творчеством он оставил светлый след в душах людей, которые его знали и слышали.

Но музыку его можно ведь услышать и сейчас.

Совсем недавно сочинения Алексея Николаева, собранные воедино (не все, но многие), впервые прозвучали в условиях концерта. Концертом это прослушивание можно назвать условно, ибо аудитория была сравнительно невелика, билеты не продавались, слушатели были приглашены персонально. А когда музыка отзывалась — этого тоже в обычных концертах не бывает, — люди не разошлись: они ощущали непреодолимую потребность продлить общение между собой и сказать друг другу о том новом и будоражащем, что вошло в их жизнь с этой музыкой.

Встреча с сочинениями Алексея Николаева, о которой идет речь, состоялась в помещении Филармонии. Ее участниками были представители слушательского актива, люди, которые давно посещают концерты и специальный свой семинар, люди, чья преданность искусству, слуховой опыт и многолетние усилия развили в них чутье к новой музыке и умение в ней разобраться. Исполнителями же были молодые педагоги ленинградских музыкальных школ и главным образом студенты Консерватории, среди которых — несколько бывших Лешиних учеников.

Особенно сильное впечатление оставили инструментальные сочинения. Трио и Квинтет — произведения, не схожие одно с другим, оказались наделенными и общими чертами: живая фантазия в них сдержана строгим драматургическим расчетом и удивительным для столь юного возраста чувством художественной меры. Их образность свидетельствует о зрелости души, подтвержденной недетским страданием и умеющей преодолевать их. Покоряет выразительность словно бы говорящих мелодических интонаций — кратких, лапидарных, где каждый звук — к месту, необходим и незаменим. Очень привлекательны фортепианные Соната и сюита «Кошкин дом»; сюита прямо-таки заражает озорным весельем, неожиданностью, с которой незадавленная детская песенка спроецирована в область затаенной концертной музыки.

Человеческой и музыкантской зрелостью отмечены два романа на стихи Пушкина. Как это трудно и ответственно — переводить на язык музыки пушкинскую поэзию! Но юный композитор не пасовал перед этим и не повторил многих своих предшественников-музыкантов, услышав в известных стихотворениях и дав услышать другим нотки смысла, ранее не обнаруживавшегося. С выдумкой и проникновением в дух фольклора выполнены хорошие обработки русских частушек.

На редкость разнообразный, по-хорошему сложный и по-хорошему же простой, гармоничный в своих контрастах мир молодого человека открылся в этой музыке. «Она достойна того, чтобы ее узнали многие, все, кто пожелает», — с волнением говорили первые ее слушатели.

Ленинградская филармония имени Шостаковича предполагает включить отдельные сочинения композитора в репертуар будущего сезона. Наверное, стоило бы еще устроить концерт, где прозвучали бы и другие, пока не исполнявшиеся произведения Алексея Николаева. Быть может, заинтересуются его музыкой издательства, радио, телевидение. Не ради сенсации — даже отзвук ее не вяжется с памятью о Леше и чужд его творчеству. Ради той веры, в человеческую доброту, которой вдохновлялся этот светлый юноша.

М. БЯЛИК



его интересовало, скажем, о музыке, живописи, он знал очень много и имел собственные суждения, порою неожиданные, парадоксальные. А то, что его не интересовало, он оставлял в стороне и обходил без сведений о вещах, которые знать «надлежит». Видимо, избирательный интерес к жизненным и художественным явлениям был свойством его своеобразной одаренности, связанной с потребностью пристально сосредоточиться на чем-то ограниченном (разумеется, свойство это вовсе не является принадлежностью всякого таланта).

В отроческом возрасте он относился к искусству совершенно по-взрослому. Но некоторые взрослые этого не понимали и, «снисходя» до его лет, вели с ним инфантильную беседу, играя в поддавки, упрощая и примитивизируя предмет разговора. В таких случаях Леша замыкался, становился, как принято говорить, неконтактным. Не то чтобы он порицал старшего собеседника — очень доброжелательный, скромный, не в меру застенчивый, он вообще не склонен был осуждать кого бы то ни было, — просто он не умел поддерживать такую игру. Человек предельно правдивый, он, ощущая фальшь, терялся перед нею.

И музыку он сочинял открытую, чистосердечную, хоть и не простую. Произведения, написанные Лешей в 14—15-летнем возрасте, по степени психологической углубленности и развитости музыкального языка находятся на уровне сложных сочинений признанных современных композиторов. С большим интересом и доброй надеждой наблюдал я за развитием этого редкого дарования — именно наблюдаю, не вмешиваясь в творческий процесс. Ибо у Леша были хорошие учителя, а разноречивые в оценках и суждениях, который мог возникнуть, возьмись я обсуждать с мальчиком его сочинения, был ни к чему. В музыкальной школе Василеостровского района он занимался в классе композиции Жанны Лазаревны Металлиды, прекрасно знающей детскую психологию, о чем свидетельствуют и ее собственные сочинения, утвердившиеся в учебном и концертном репертуаре, и опусы многочисленных ее питомцев. В училище при Консерватории Леша обучался у одного из самых выдающихся композиторов — Галины Ивановны Уствольской.

Как-то, когда Леша был еще маленьким, один его родственник, опасаясь, как бы мальчик не оказался в числе тех вундеркиндов, что, вырастая, становятся пустоцветами, решил послать его сочинения на «экспертизу» Д. Д. Шостаковичу, с которым был хорошо знаком. Дмитрий Дмитриевич откликнулся двумя письмами. Одно, написанное привативно, но и с педагогической сдержанностью, было адресовано Леше. Другое письмо, направ-